

ДОКУМЕНТ

КАК ПРЕДМЕТ ПОДЛОГА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ
(ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 1998, № 5)

© 1998г.

КЛЕПИЦКИЙ И.А.¹

Из библиотеки Ивана Клепицкого
[HTTP://WWW.OUPI.RU](http://www.oupi.ru)

ПРЕДМЕТ ПОДЛОГА ДОКУМЕНТОВ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА.....	1
ПРЕДМЕТ ПОДЛОГА В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УК РОССИИ.....	3
ПРЕДМЕТ ПОДЛОГА ДОКУМЕНТОВ В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ	9

В современном обществе осуществление прав и защита интересов человека, организаций, общества и государства затруднены, а часто невозможны без документального удостоверения юридически значимых фактов и отношений. Поэтому важной гарантией нормального осуществления этих прав и интересов становятся нормы об уголовной ответственности за подлог документов. Вместе с тем нормы действующего уголовного права о подлоге вызывают трудности в практике их применения ввиду неясности некоторых использованных в законе терминов. Нет единообразного понимания этих норм в юридической литературе. При их толковании полезно проследить историческое развитие, установить типичное употребление спорных терминов в юридической лексике.

Предмет подлога документов в истории отечественного права

Догматическая разработка норм о подлоге документов в русском уголовном праве в основном была завершена к концу XIX столетия. В Уложении о наказаниях нормы о подлоге содержались в разных разделах, различался подлог официальных документов и подлог документов неофициальных (частных): нотариальных актов и "домашних документов". В правоведении понятием официальных документов охватывались документы, исходящие от государственных органов (Сената, министерств, других правительственных, губернских или уездных учреждений), а затем, после земских реформ, и органов местного самоуправления (общественных учреждений). Ответственность за подлог неофициальных (как нотариально удостоверенных, так и "домашних" документов) наступала по особым статьям Уложения. Общая норма о подлоге, необходимая в связи с развитием в России рыночных экономических отношений, была разработана только для Уголовного Уложения 1903 года, из которого следовало, что документом необходимо считать всякий предмет², "могущий

---

¹ Доцент Московской государственной юридической академии, кандидат юридических наук.

² Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. М., 1912. С. 435.

служить удостоверением установления, изменения или прекращения права или обязанности"³.

Понятие документа в русском уголовном праве разрабатывалось в правоведении под сильным влиянием германской доктрины. Обычно в качестве признаков документа называли его (1) письменную форму, (2) свойство удостоверять события или факты, имеющие правовое значение, (3) свойство быть выражением человеческой мысли, (4) наличие свойств материального предмета⁴. Признак "письменности" документа был выработан в русском правоведении вопреки германскому влиянию. Много сделал для теоретического обоснования этого признака А.А. Жижиленко, автор фундаментального труда о подлоге⁵. Проследив развитие норм о подлоге документов в европейском праве, А.А. Жижиленко установил факт постепенного выделения из общей нормы "наказуемого обмана" отдельных составов преступлений, в которых обман понимался либо в качестве средства преступного посягательства, либо определялся строгим образом по предмету, в котором этот обман воплощался. Отсюда вытекала необходимость по возможности строгого и формального определения предмета преступления, чему и служил признак "письменности".

Образцом для разработки норм о подлоге документов в советском праве стало не Уголовное Уложение 1903 года, а старое Уложение о наказаниях. Советское право отказалось от создания общей нормы о подлоге. УК РСФСР 1922 года известны: подделка предоставляющих право или освобождающих от повинности официальных документов (против порядка управления), уклонение от призыва путем подлога, уклонение от сдачи по мобилизации животных и предметов посредством подлога, должностной подлог, хищение из государственных и общественных хранилищ путем подлога. Статья 189 устанавливала ответственность за имущественное преступление: "подделку в корыстных целях как официальных, так и простых бумаг, документов и расписок". Таким образом, подлог всякого документа наказывался лишь в случае, когда он был средством имущественного посягательства.

Упрощение имущественных отношений между гражданами позволило и вовсе отказаться от наказуемости подлога частных документов в советском праве, чему способствовало и ограничение принципа состязательности в гражданском процессе, и некоторое пренебрежение к личным "формальным" правам вообще. В советском обществе граждане вступали в гражданско-правовые отношения друг с другом нечасто, и отношения эти, как правило, не были достаточно важны для

---

³ Статьи Уголовного Уложения о подлоге в России так и не были введены в действие.

⁴ Такое понимание документа сохранилось в основных чертах и в советском уголовном праве: См., например: *Мельникова В.Е.* Ответственность за должностной подлог по советскому уголовному праву. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1975. С. 8; *Пинхасов Б.И.* Защита документов по советскому праву. Ташкент, 1974. С. 21; *Поленов Г.Ф.* Ответственность за похищение, подделку документов и их использование. М., 1980. С. 21.

⁵ *Жижиленко А.А.* Подлог документов. СПб., 1900.

общественной жизни. Статья 170 УК РСФСР (в ред. 1926 г.) устанавливала ответственность за подделку в корыстных целях уже лишь только официальных бумаг, документов и расписок. Для права советской России раз и навсегда была устранена уголовная ответственность за подлог частных документов.

Ввиду понимания в советском праве управления предприятиями в качестве вида государственного управления, документы, исходящие от предприятий общественных и государственных, стали рассматриваться в качестве документов официальных. Их подделка наказывалась как преступление против порядка управления. Да и сам по себе подлог утратил в значительной степени общественную опасность. Документы служат прежде всего для ограждения частных прав и интересов и во многом утрачивают свое значение, если значение частного права в жизни общества поглощается непосредственным распорядительным управлением⁶. Общее понятие документа не определяло в советском праве всех признаков предмета какого-либо преступления, оно всегда должно было быть дополнено специальными признаками, для того чтобы в качестве предмета войти в определение признаков состава какого-либо преступления. Во всех случаях документ должен был исходить от какого-либо государственного или общественного учреждения, организации или предприятия либо находиться в их ведении.

В то же время продолжалась дискуссия относительно признака "письменности" документа. Так, например, признак письменности документов отрицал А.Н. Трайнин. Б.И. Пинхасов обратил внимание на тот факт, что нельзя считать письменными документами разнообразные схемы, чертежи и т.п., являющиеся неотъемлемыми частями современных документов. Тем не менее признак письменности довольно прочно вошел в теорию документа в советском уголовном праве. Это и понятно, ввиду того, что документом в советском праве признавался прежде всего документ официальный, исходящий от властной организации, который в подавляющем большинстве случаев имеет письменную форму. Следует отметить и то обстоятельство, что социалистические организации пользовались обычно довольно несовершенной оргтехникой, что мало способствовало широкому пониманию документа. Связано с ограничением предмета подлога рамками официальных документов и особое внимание, уделявшееся такому признаку, как наличие в документе "необходимых реквизитов". Официальные документы действительно строго формализованы ввиду унификации официального делопроизводства.

Предмет подлога в действующем УК России

Действующий УК России не внес существенных изменений в нормы о подлоге, повторив положения статей 196 и 175 УК 1960 года. Ответственность за подлог предусмотрена в статьях 327 (подделка официальных документов как

---

⁶ Интересно, что русское Уголовное Уложение подделку "частных документов" (ст. 440) наказывало строже подделки официальных документов (ст. 441).

преступление против порядка управления) и 292 (служебный подлог как должностное преступление)⁷. При этом в статье 327 в отличие от статьи 196 УК 1960 года вместо "выдаваемого государственным или общественным предприятием, учреждением, организацией документа" говорится об "официальном документе" (как и в УК РСФСР 1922 г.) и ничего не сказано о том, какие "штампы, печати, бланки" являются предметом этого преступления. В статье 292 в сравнении со статьей 175 старого Кодекса более широко определены признаки специального субъекта⁸.

Статья 327 определяет в качестве предмета преступлений "удостоверение или иной официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей". Ни в судебной практике, ни в теории нет единой точки зрения на то, какой документ следует считать "официальным".

В соответствии с распространенной на европейском континенте (в том числе и в России) традиционной доктриной документы бывают официальные и неофициальные. К последним относятся документы, нотариально удостоверенные и "домашние" (т.е. такие документы, которые составляются без участия нотариуса)⁹. Под "официальными документами" понимаются документы, исходящие от органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений. За исключением России (с 1917 года и по сей день) и некоторых прошедших в XX столетии сходный исторический путь стран подлог всех видов документов рассматривается в качестве уголовного преступления.

Именно из традиционного понимания официального документа в качестве исходящего от государственных органов исходил УК РСФСР 1922 г., устанавливая ответственность за подделку официальных документов как за преступление против порядка управления. Эти положения были прямо разъяснены в УК РСФСР (в ред. 1926 г.), который в ст. 72 предусматривал ответственность за подделку "выдаваемых государственными и общественными учреждениями документов", но здесь нашло отражение "огосударствление" партии и иных общественных организаций. По мере социализации экономики "собственность" превращается из частного права в публично - правовой институт,

---

⁷ Под "должностными преступлениями" понимаются преступления по публичной службе (глава 30 УК). Появление в УК главы 23 ("Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях") не может рассматриваться в качестве причины для отказа от этого старого, удобного и точного термина. Этот термин возник во время действия Уложения о наказаниях 1845 года для обозначения преступлений "по службе государственной и общественной", хотя это Уложение также предусматривало ответственность за преступления "по службе" в коммерческих организациях (см.: статьи 1185 - 1345 Уложения (в ред. 1866 г.), также: *Ширяев В.Н.* Субъект должностных преступлений. Ярославль, 1913; *Кони А.Ф.* Должностные преступления и суд присяжных заседателей // Вестник права. 1916. N 49).

⁸ См. подробнее: *Клепицкий И.* "Должностное лицо" в уголовном праве (эволюция правового понятия) // Законность. 1997. N 10.

⁹ Иногда, например, во Франции неофициальные документы подразделяются также на коммерческие, банковские и частные.

управление хозяйственными организациями рассматривается в качестве вида государственного управления, поэтому документы, исходящие от администрации социалистических предприятий (как государственных, так и "кооперативных"), также рассматриваются в качестве "официальных". Поскольку предприятия утратили коммерческий характер, допустимо широкое толкование соответствующих положений УК: "документами, о которых идет речь в ст. 72 УК, являются только официальные документы, различного рода бумаги, исходящие из государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций"¹⁰. Такое понимание официального документа было закреплено законодательно в ст. 196 УК РСФСР 1960 г.

Вместе с тем традиционное понимание "официального документа" в советском уголовном праве было усложнено в связи с судебной практикой по делам о должностном (служебном) подлоге. Предмет этого преступления также определялся как "официальный документ", однако практика рассматривала в качестве служебного не только подлог "официальных документов" в собственном смысле слова, но и подлог иных документов, в том числе и "исходящих от отдельных лиц, если они находятся в делах государственных или общественных учреждений... и имеют юридическое значение"¹¹. Считалось, что документ, попадая в сферу официального делопроизводства, приобретает тем самым свойство официального документа. Важно отметить, что в этом случае он становился официальным в связи с тем, что попадал в официальное делопроизводство, т.е. в соответствующие организации или к должностным лицам. Именно с этого момента он приобретал свойство предмета подлога, причем подлог должен был быть совершен специальным субъектом – должностным лицом.

Таким образом, в строгом смысле слова "официальным" в современном уголовном праве России можно считать лишь документ, выдаваемый государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, а равно документ, находящийся в делопроизводстве в этих органах или учреждениях (подлог документа, "находящегося в делопроизводстве", возможен лишь после его поступления в соответствующую организацию). Более широкое определение признаков предмета подделки документов, как ни "полезно" это было бы для борьбы с преступностью, будет означать необычное и неправильное использование старого традиционного термина.

Сходное с уже упоминавшимся выше понятием "официального документа" предложил С.В. Максимов, определивший его как "составленный (изготовленный), выданный или находящийся в обороте государственных

---

¹⁰ Советское уголовное право. Часть особенная. М., 1951. С. 364.

¹¹ Научно - практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М., 1964. С. 383. См. также: *Здравомыслов Б.В.* Должностные преступления. М., 1975. С. 163; *Мельникова В.Е.* Ответственность за должностной подлог по советскому уголовному праву. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1975. С. 8.

(муниципальных) органов, учреждений, организаций и предприятий" и отвечающий требованиям, предусмотренным Едиными правилами оформления официальных документов, утвержденными распоряжением руководителя Администрации Президента от 17 декабря 1994 г.¹² Однако с этим определением нельзя согласиться по двум причинам.

Во-первых, документы должны отвечать только тем требованиям, которые связаны с их удостоверительным свойством. Что касается "Единых правил", то документ может и не соответствовать им, однако, останется документом, может быть в некоторых случаях и неправильно оформленным;

Во-вторых, нельзя рассматривать в качестве "официальных" документы коммерческих организаций, так как деятельность их администрации нельзя сегодня рассматривать в качестве государственного управления. Администрация предприятия не осуществляет государственной власти, не выдает официальных документов. Основной целью государственного предприятия в соответствии со ст. 50 ГК является получение прибыли. Определение в качестве "официального" документа государственного предприятия создает и неравные условия хозяйственной деятельности для государственных и негосударственных предприятий, что противоречит статье 8 Конституции. В Пояснениях к состоянию и плану совершенствования правового порядка в Российской Федерации (Приложение к посланию Парламентской ассамблеи Совета Европы о совершенствовании российского законодательства и правоприменительной практики в соответствии со стандартами СЕ), например, отмечалось: "Вместе с тем в действующем УК все еще остаются статьи, отражающие неравную защиту отдельных видов собственности (например, в статье 195 предусмотрена ответственность за похищение или повреждение документов, печатей, штампов только государственных или общественных учреждений, предприятий, организаций; статья 196 идентично решает вопрос об ответственности за подделку)"¹³.

Многие праведы решают вопрос о соответствии ст. 327 УК ст. 8 Конституции иначе: предлагается считать "официальными" документы негосударственных организаций¹⁴. Эта позиция (привлекательная ввиду того, что в действительности подлог документов хозяйственных обществ и товариществ представляет значительную опасность) является весьма спорной. Документы таких организаций в российском правоведении никогда не рассматривались в качестве "официальных", более того, они всегда рассматривались именно в

---

¹² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 735.

¹³ Следует отметить, что понимание документов государственных предприятий в качестве официальных часто встречается в судебной практике. Это результат своего рода исторической инерции: доктрина, пригодная исключительно в условиях социалистической экономики, продолжает осуществляться и после исчезновения этих условий.

¹⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 570, 573; Уголовный кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий. М., 1997. С. 680; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1997. С. 696.

качестве "неофициальных" документов. Нет никаких оснований изменить эту позицию, которая единодушно излагается во всех отечественных учебниках в течение более чем столетия и сближает наше право с правом родственных правовых систем Европы. Какие документы можно рассматривать в качестве "неофициальных", если считать "официальными" документы негосударственных организаций¹⁵? Почему один и тот же документ, выданный товариществом, будет "официальным", а выданный, например, индивидуальным предпринимателем или любым другим лицом, не может рассматриваться в этом качестве? Можно ли использовать юридический термин вопреки его смыслу и значению¹⁶?

Нельзя считать официальным и документ, "адресованный в государственное или муниципальное учреждение"¹⁷. Подлог такого документа в качестве "официального" возможен лишь с момента его поступления в соответствующую организацию или передачи служащему такой организации, т.е. приобщения его к официальному делопроизводству.

Сложным представляется вопрос об "официальности" двух видов документов: нотариально удостоверенных документов; документов публично-правового характера, выдаваемых частноправовыми организациями. 1. Нотариально удостоверенные документы, по-видимому, могут признаваться "официальными" на том основании, что нотариусы, как государственные, так и частные, назначаются на должность органами юстиции и, удостоверяя документ, придают ему официальный статус. Эта позиция (хотя и не бесспорная) разделяется и в судебной практике.

2. В ряде случаев государство, оказывая доверие негосударственным организациям, предоставляет им полномочия удостоверить факты, значимые для возникновения, прекращения или изменения правоотношений публично-правового характера. Так, коммерческие банки выдают гражданам при покупке иностранной валюты справку, которая является документом, подтверждающим право владельца на вывоз валюты из России. Выданная коммерческой организацией трудовая книжка является основанием для исчисления трудового стажа и начисления пенсии органами социального обеспечения. Справки, предоставленные кооперативными организациями, учитываются при принятии органами местного самоуправления решений по управлению муниципальным жилищным фондом; определенные управленческие полномочия в общественных

---

¹⁵ По этой причине нельзя согласиться и с *А.С. Никифоровым*, хотя его позиция сближает уголовное право России со старым русским и зарубежными законодательствами. Он считает, что "официальным является документ, за которым государство в установленном законом или иным нормативным актом порядке признает юридическое значение" (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 747).

¹⁶ Иную позицию занимает по этому вопросу *Н.Г. Иванов*. Он предлагает рассматривать в качестве официальных документов также и "адресованные" негосударственным организациям письменные акты, "которыми удостоверяются факты, имеющие юридическое значение" (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1997. С. 696).

¹⁷ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1996. С. 570, 573; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1997. С. 696.

интересах делегированы профсоюзам, которые издают свои документы. Такие документы, по-видимому, могут рассматриваться в качестве официальных, поскольку организация действует здесь в общественных интересах в связи с доверенными ей полномочиями (а не с целью, например, получения прибыли). В этом случае организация выступает в качестве активного участника управленческих отношений в публично-правовой сфере¹⁸. Подобные документы следует отличать от документов, которые удостоверяют частноправовые отношения и могут выступать в качестве доказательств в судебном процессе (договоры, расписки и т.п.). В юридической практике по этому вопросу нет единообразия.

Неясен в правоведении вопрос о возможности подделки "неписьменного" документа. С.В. Максимов, например, отмечает, что документом может быть "информация, отраженная на бумаге, фото-, кино-, аудио- или видеопленке, пластмассе, существующая в виде компьютерной записи или в иной воспринимаемой человеком материальной форме". Каких-либо серьезных оснований оспаривать это утверждение нет. Распространение понятия документа (предмета подлога) на технические записи сегодня закономерное и повсеместное явление. Усложнение имущественных отношений, повлекшее усложнение документации, революция в способах фиксации человеческой мысли – все это сделало определение понятия документа посредством признака его письменности излишне формальным. Письмо сегодня – лишь один из возможных способов выражения человеческой мысли. В истории русского права уже Уголовное Уложение 1903 г. фактически отказалось от этого признака. При этом следует отметить, что сегодня расширение понятия документа на неписьменные акты приобретает особую актуальность в связи с компьютеризацией расчетов в банковской деятельности, где письменные акты вытеснены электронными средствами уже и сейчас в значительной мере¹⁹.

Признаки "выражения человеческой мысли" и "удостоверения фактов, имеющих юридическое значение", являются основными признаками документа. Однако, как признак письменности является лишь формализацией свойства документа выражать человеческую мысль, так и признак "подписания и проставления даты" является формализацией признака "способности удостоверения юридически значимых фактов". Поскольку документ может удостоверить факты, не будучи подписанным и без проставления даты, – подлог такого документа возможен (например, факт уплаты долга может удостовериться и распиской без проставления даты).

---

¹⁸ *А.В. Кладков*, например, отмечает, что "официальным является документ, выдаваемый государственным, муниципальным органом, органом местного самоуправления, иным предприятием, учреждением или организацией независимо от форм собственности, но признаваемый государством для предоставления прав и освобождения от обязанностей" (Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. М., 1996. С. 487).

¹⁹ В соответствии же с изложенным выше мнением банковские документы не являются документами "официальными".

В действительности лучший способ разрешить многие ложные вопросы, связанные с предметом подделки документов, – изменить закон и распространить ответственность за подделку на все виды документов (в том числе и на "неофициальные"), определив документ, например, как "средство удостоверения юридически значимых фактов и отношений, включая информацию на технических носителях, а также учетный или отчетный документ, если составление или хранение учетного или отчетного документа является юридической обязанностью". В ст. 327 УК есть и другой недостаток: документы не "предоставляют права" и не "освобождают от обязанностей". Основания возникновения, прекращения и изменения прав и обязанностей совсем другие – юридические факты. Документы лишь удостоверяют эти факты и возникшие на их основе отношения.

Правильность предложенного понимания подлога документов подтверждается и сравнительно-правовым исследованием.

Предмет подлога документов в сравнительно-правовом аспекте

Объект преступления. В континентальном европейском праве это преступление обычно относят к посягательствам на общественные интересы (при "классической" трактовке объекта как частных, общественных и государственных интересов). Довольно распространенное определение объекта подлога в виде "общественного доверия" было законодательно утверждено в начале прошлого столетия в составленном А. Фейербахом баварском Уголовном кодексе. Общественное доверие понималось прежде всего как доверие к удостоверению юридических фактов и отношений. Новый французский УК также относит подлог к посягательствам на "общественное доверие". Сходное определение, но уже более объективного свойства, дается в германском Лейпцигском комментарии, где поражаемое "преступлениями, связанными с документами", правовое благо видится в надежности и достоверности правовых отношений, в особенности отношений, связанных с удостоверением посредством документов и удостоверительных знаков "как в деловой жизни, так и в частных отношениях, в судебных и иных официальных процедурах"²⁰.

Место подлога документов в системе Особенной части. Современные законодательства содержат обычно общую норму о подлоге документов, которая часто дополняется нормами специальными и нормами, дополняющими общую в

---

²⁰ Leipziger Kommentar, Grobkommentar. Bd. 6. Berlin, New York, 1988. hrsg. Von H.H. Jescheck, W. Rub, C. Willms, S. 3. В русском правоведении до 1917 г. широко распространено было мнение об отсутствии самостоятельного объекта у подлога документов. Подлог рассматривался в качестве преступления, отличного от других преступлений, не ввиду особенностей объекта, но ввиду особого способа посягательства на охраняемое благо (эта точка зрения в то время была представлена и в германской литературе). Такое понимание подлога вело к его ограничительному толкованию: подлог сам по себе не мог рассматриваться в качестве преступления, он должен был посягать на какие-либо подлежащие охране права и интересы, по крайней мере, ставить их в опасность. При широком определении общего понятия документа (предмета подлога) такое требование представляется отнюдь не излишним.

областях, на которые она не распространяется. Так, например, новый французский УК содержит раздел "О посягательствах на общественное доверие", объединяющий в общей норме все виды подделки (статья 441-1) и содержащий специальные нормы о подделке публичных документов (статья 442-2, должностной подлог является квалифицированным видом этого и некоторых других видов подлога), подделке в удостоверенном документе или регистрационной книге, установленной государственной властью и др. Главы 2 и 3 этого раздела посвящены подделке денег, государственных ценных бумаг и марок, государственных удостоверительных знаков (печати, штампы и др.)²¹. В УК Германии нормы о преступлениях, связанных с документами (Urkundendelikt), содержатся в разделе 23, расположенном между разделами "Мошенничество и злоупотребление доверием" и "Банкротство". Таким образом, нормы о подлоге расположены в германском УК среди норм об имущественных преступлениях, хотя в правоведении они рассматриваются вне системы имущественных преступлений в качестве самостоятельной группы. Такие главы и разделы есть и в большинстве других европейских кодексов²².

Предмет. Современные законодательства исходят из широкого понимания документа как предмета подлога, причем прослеживается тенденция к обобщению и все более широкому пониманию документа.

Подлог "частных документов" рассматривается в качестве преступления практически повсеместно. Уголовная ответственность за подлог такого документа не предполагает наличия его юридического понятия. Ответственность наступает по общей норме о подлоге²³. Понятие документа обычно формулируется в доктрине, однако, например, в новом французском УК довольно подробное определение документа дается непосредственно в Законе: "какой либо текст или любое другое средство выражения мысли, целью которого является или результатом которого может быть создание доказательства права на что-либо или

---

²¹ В Кодексе 1810 года подобные нормы содержались в специальной главе, также определявшей ответственность за посягательства на общественную сферу, объединявшей все виды этих посягательств под именем "подлог". Однако в литературе термин "подлог" использовался преимущественно для обозначения подлога документов, что нашло свое отражение и в новом Кодексе.

²² Сходным образом решался этот вопрос и в русском Уголовном Уложении 1903 года, где нормы о подлоге также были выделены в особую группу, которая располагалась на "границе" между посягательствами на общественную сферу и преступлениями против личности.

²³ Например, в новом УК Франции, УК Германии, Австрии, английском Законе о подлоге и подделках. (В УК Франции 1810 г. общей нормы о подлоге в строгом смысле этого слова не существовало, отдельными нормами устанавливалась ответственность за (1) подлог публичных и удостоверенных документов, (2) подлог торговых и банковских документов, (3) подлог частных документов. Наказание за подлог торговых и банковских документов до 1958 г. уравнивалось с наказанием за подлог документов публичных, а впоследствии было уравнено с частным подлогом)

факта, имеющего юридические последствия"²⁴. Хотя во французской литературе и до принятия нового УК давалось иногда доктринальное определение документа²⁵, однако эти определения не достаточно конкретизированы, большое значение имела казуистика. К торговым и банковским документам судебная практика относилась, например, ордерные ценные бумаги (векселя, чеки, складские расписки, коносаменты, варранты и др.), торговые книги, торговую корреспонденцию, в том числе телеграммы, документы товариществ и акционерных обществ и др.²⁶ Столь же широко понимались и "частные документы".

В германском праве под документом понимается о вещественное воплощение человеческой мысли, пригодное в правовом обороте для предоставления доказательств и указывающее на автора²⁷. Подделка документов (§ 267) и технических записей (§ 268) наказывается лишением свободы на срок до 5 лет и (или) штрафом, а в особо тяжких случаях - лишением свободы на срок не менее года. В германском праве не требуется, чтобы документ был составлен на бумаге или в письменной форме; всякий удостоверяющий знак может быть признан документом, поскольку он выражает какую-либо мысль и свидетельствует о юридически значимом факте. Доказательственную функцию в германском праве выполняют как "намеренные документы" (изначально созданные для удостоверения фактов), так и "случайные документы" (приобретшие это качество после своего создания). Некоторые документы, не имеющие удостоверительного значения в отдельности, приобретают его в том случае, когда служат основанием для составления "общего документа" либо в совокупности с другими документами составляют "общий документ", имеющий удостоверительное свойство. Подлог общих документов возможен не только в документах, его составляющих, но и путем изъятия или добавления части (например, удаление листа из торговой книги или избирательного бюллетеня из урны для голосования).

Если французское право наказывает подделку технических записей по общей норме о подлоге, то в германском праве подлог технических записей наказывается по особой норме (§ 268). Техническая запись в смысле § 268 обладает всеми свойствами документа в смысле § 267 и определяется в литературе как любая обособленная запись, полученная с помощью технического средства, если она может быть прочитана при помощи какого-либо технического устройства, содержание ее понятно (всем или только специалистам), и она удостоверяет юридически значимые факты. Технической записью, например,

---

²⁴ Использован перевод в издании: Новый Уголовный кодекс Франции. М., 1993. Вступление в силу этого Кодекса привело к тому, что различие документов торговых, банковских и частных утратило всякое уголовно - правовое значение (*M. Veron. Droit penal special. Paris, 1994. P. 300*).

²⁵ См., например: *Vouin R., Rassat M.-L. Droit penal special. Paris, 1976. P. 429.*

²⁶ См., например: *P. Gauthier, B. Lauret. Droit penal des affaires. Paris, 1989. P. 227 - 228.*

²⁷ *Dreher – Trondle Strafgesetzbuch und Nebengesetze. Munchen, 1991. S. 1494.*

являются магнитофонные записи, фильмы, фотографии, компьютерные записи и др.

Если французское право посредством подлога документов (подлог путем воздействия на лицо, составляющее документ) определяет в качестве вида общего подлога, то в Германии этот вид интеллектуального подлога определен в специальной норме (§ 271), ограничен рамками подлога публичных документов и требует добросовестного (неумышленного) внесения должностным лицом в публичный документ ложных сведений. Если должностное лицо действует недобросовестно, то имеет место должностной подлог, а не "посредственное засвидетельствование".

В Англии еще в Общем праве было установлено, что документ - это нечто письменное. В середине прошлого века некоторые виды письма (например, автограф известного автора на картине) не были признаны документами. Однако дать более или менее пригодное для практики определение, которое было бы достаточно общепризнанным, не удалось, хотя правоведы работали в этом направлении. Так, например, Кенни определил документ как любой текст, фальсификация которого может причинить вред другому. Уильямс в 1946 г. предложил считать документом лишь то, что имеет какую-либо ценность помимо того, что сообщает какие-либо сведения или фиксирует обещание.

В последующее время законодательным порядком были введены специальные нормы о наказуемой подделке документов. Так, например, статья 17 английского Закона о краже 1968 г., определяя особый вид мошенничества – "ложная отчетность", устанавливает строгое наказание – до 7 лет лишения свободы – за подлог, повреждение и сокрытие учетных и отчетных документов при отсутствии признака приобретения имущества путем обмана – достаточно, чтобы это действие было "бесчестным", и виновный совершил его с целью получения имущественной выгоды для себя или другого лица либо с целью вызвать у другого имущественные потери.

Статья 20(2) Закона о краже 1968 г. предусмотрела наказание за бесчестное изготовление, признание, подтверждение, изменение, сокрытие, уничтожение, подписание или удостоверение печатью любой бумаги или другого материала, когда это создает или входит в документ, или используется как документ, создающий, изменяющий, отказывающий или реализующий имущественное право, либо обосновывающий платеж или передачу любого имущества, либо служащий доказательством этого или удовлетворения обязательства. По сути дела наказываются любые действия в отношении документов по признаку их "бесчестности".

Дальнейшее развитие понятия документа в уголовном праве Великобритании связано с распространением норм о подлоге на неписьменные акты. В 1981 году принят Закон о подлоге и подделках (Forgery and Counterfeiting Act), который установил ответственность за изготовление ложного "средства" (instrument) с намерением использовать его самостоятельно или передать другому лицу с тем, чтобы ввести кого-либо в заблуждение, с целью побудить совершить

действие (или воздержаться от действия) во вред себе или другому лицу (причем деяние влечет ответственность, не только когда нарушитель достоверно знает о "ложности" средства, но и когда он лишь предполагает это). Данный Закон установил ответственность также за копирование такого "средства", его использование, использование его копии и др. Понятие "средства" в Законе включает не только "любые документы как формального, так и неформального характера", почтовые и акцизные марки, но и "любой диск, запись, звукозапись либо любое устройство, на котором информация записана или сохранена механическими, электронными или иными средствами". Наказание предусмотрено в виде лишения свободы на срок до десяти лет и (или) штрафа.

Таким образом, в родственных европейских правовых системах подлог документов не рассматривается в качестве посягательства на государственные интересы (преступления против порядка управления). Как в германском и французском, так и особенно в английском праве предмет подлога документов определен весьма широко, включает как хозяйственные, так и иные частные документы, очерченные достаточно неформальным образом. Явно прослеживается и тенденция к распространению ответственности за подлог неписьменных актов, различных технических записей. Сходный подход к нормам о подлоге характерен и для права России до 1917 года. "Особенности" же законодательного определения подделки документов в действующем УК (понимание в качестве преступления "против государственной власти", "против порядка управления", ограничение предмета кругом "официальных" документов) никак не связаны ни с особенностями российского правового сознания, ни с отечественными правовыми традициями – это временное явление, понятное и обоснованное следствие радикального изменения условий общественной жизни в советском социалистическом государстве. Сегодня такое узкое понимание подлога не соответствует характеру существующих экономических и иных общественных отношений.

